

Уильям Шекспир

Сонеты

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир Сонеты. Перевод Юрия Лифшица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21548256

ISBN 9785448325595

Аннотация

Ю. Лифшиц в переводах сонетов Шекспира показал высокую переводческую культуру, передав и основной смысл и главные особенности оригинала. При этом переводчик не потерял естественности и красоты звучания русского текста. Благодаря самобытному и яркому поэтическому таланту Ю. Лифшица Шекспир подтверждает свою удивительную способность становиться «фактом русской поэзии». В оформлении обложки использована картина голландского художника Ваутера Питерса Крабета II (1594—1644) «Музицирующее общество».

Содержание

Предисловие	6
Сонеты	20
Сонет 1	20
Сонет 2	21
Сонет 3	22
Сонет 4	23
Сонет 5	24
Сонет 6	25
Сонет 7	26
Сонет 8	27
Сонет 9	28
Сонет 10	29
Сонет 11	30
Сонет 12	31
Сонет 13	32
Сонет 14	33
Сонет 15	34
Сонет 16	35
Сонет 17	36
Сонет 18	37
Сонет 19	38
Сонет 20	39
Сонет 21	40

Сонет 22	41
Сонет 23	42
Сонет 24	43
Сонет 25	44
Сонет 26	45
Сонет 27	46
Сонет 28	47
Сонет 29	48
Сонет 30	49
Сонет 31	50
Сонет 32	51
Сонет 33	52
Сонет 34	53
Сонет 35	54
Сонет 36	55
Сонет 37	56

Конец ознакомительного фрагмента. 57

Сонеты

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

Переводчик Юрий Лифшиц

© Уильям Шекспир, 2017

© Юрий Лифшиц, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-2559-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Перед вами, дорогой читатель, новое переводческое прочтение сонетов Уильяма Шекспира, выполненное поэтом Юрием Лифшицем. Хорошо известно, что этому прочтению предшествует более чем вековая история русских воплощений бессмертных стихов. В ряду предшественников есть личности знаменитые, выдающиеся: Н. В. Гербель К. К. Случевский, В. Я. Брюсов, Т. Л. Щепкина-Куперник, Н. А. Холодковский, С. Я. Маршак, О. Б. Румер, Б. Л. Пастернак, А. М. Финкель и многие-многие другие. Работы некоторых из них прославили отечественную школу поэтического перевода и стали заметным событием в культуре русской словесности.

Тем не менее, в последние десятилетия активно появляются новые переводы сонетов Шекспира. Зачем это нужно переводчикам? Неужели для того, чтобы потешить графоманское самолюбие и посоревноваться не только с предшественниками, но в какой-то мере и с самим великим стратфордцем? Какая сила заставляет их отказываться от проторенных путей и заново пробиваться собственным поэтическим дерзанием в такую далекую от нас культуру? Не берусь ответить на эти и подобные вопросы. Слава Богу! – чудо творчества всегда оставалось великой тайной, даже и для окаянного нашего времени, которое так любит сры-

вать покровы, изобличать и разуверяться. Но поразмышлять об этом интересно.

Во-первых, почему так влечет сонет? Отшлифованный веками, его поэтический канон невероятно строг. Всегда только 14 строк. Ничего, кроме союзов и предлогов, нельзя повторять. В начале – экспозиция темы. Потом – ее развитие, часто задаваемое в противопоставлении. В конце – лаконичный афористический итог. Закон поэтического жанра, который существует с XIII столетия, разрешал только очень несущественные различия: классический итальянский сонет (2 четверостишия + 2 трехстишия); опрокинутый сонет (2 трехстишия + 2 четверостишия); сплошной сонет (все в двух рифмах) и пр. Шекспир делал так называемый английский сонет (3 четверостишия + двустешие). Но все равно все эти вариации в принципе оставляли канон неизменным и жанровое «лицо» сонета – независимо от того, был ли он написан в эпоху Ренессанса, или в серебряном веке – было неизменно узнаваемым. Но самое удивительное – одно формальное соблюдение канона вовсе не делало стихотворение сонетом. Нужно было еще и глубинное поэтическое проникновение в то, что принято называть «памятью жанра», особое ощущение таинственной магии сонета; нужно, чтобы жанровый канон был не извне задаваемым стандартом, а органичным отражением творческого движения авторского сердца, очарованного этой тайной.

Интересно, что русский сонет, хотя и имеет свою доста-

точно выразительную историю, в отечественной системе поэтических жанров не стремился выходить на первые места. Поэтому задумываясь об исторических судьбах сонета, в первую очередь мы вспоминаем европейских мастеров: Данте, Петрарку, Ронсара, Камюэнса, Шекспира и др. Но далеко не всегда при этом отдаем себе отчет в том, что знаем этих поэтов благодаря русским переводам. Специалисты давно заметили, что литературные переводы играют огромную роль в становлении переводящей литературы: зачастую они заполняют собою те творческие лакуны, которые по разным обстоятельствам не были в достаточной мере заполнены самой этой литературой. Нет, к примеру, у нас классических трагедий и комедий – но есть их великолепные русские переводы. Не стал сонет магистральным жанром в русской литературе – но русские переводные версии западных классических сонетов по-своему сделали их ярким фактом нашей, отечественной традиции и, несомненно, способствовали становлению и утверждению отечественного сонета.

А Шекспир, почему он так привлекателен? Впервые его признали гением в XVIII в. Тогда же, и именно в связи с ним, утвердилась в эстетике сама категория «гений». Неведомый ранее англичанин ломал сложившуюся франкоцентристскую картину литературного мира. Поэтому о нем с особым восторгом заговорили в Германии и России: эти молодые, определяющиеся культуры увидели в Шекспире не только вдохновляющий пример и богатейший художественный ис-

точник. Он стал для них залогом уверенности в их собственном будущем величии и убедительным стимулом в утверждении своего культурного достоинства. А современное понимание гения Шекспира открыло новые широкие горизонты удивительных культурных откровений. Шекспир давно перестал быть только конкретно-историческим человеком, создавшим конкретные исторические произведения. Он стал феноменом, идеалом, мифом, но самое главное – он стал окрыляющим творческим началом всей последующей культуры.

Благодаря этому началу, происходили и продолжают происходить грандиозные театральные и экранные открытия его сценических воплощений. Шекспировские герои, сюжеты, образы и мотивы стали вечными, потому что пространством их художественного бытования оказались произведения не только самого Шекспира, но и многих других писателей. Эти процессы требовали серьезного осмысления, и в научной шекспирике появились исследования, явившиеся поворотными вехами во всей гуманитарной науке. А непрекращающаяся эстетическая потребность в Шекспире не перестает быть мощным импульсом в становлении и развитии поэтического перевода.

Русские переводы сонетов Шекспира поставили ученых перед принципиальной проблемой переводной множественности – речь идет о параллельных переводах одного и того же текста. Сонеты пришли в Россию позднее, чем дра-

матические произведения великого англичанина, но именно они предстают перед современным русским читателем в наибольшем количестве переводных версий. Другими – переводоведческими – словами говоря, время показало, что индекс потенциальной политекстуальности сонетов Шекспира необыкновенно высок.

Какой же из многочисленных переводов самый правильный, в каком из них живет настоящий, подлинный Шекспир? Тот ответ, который дает современная наука, поначалу обескураживает: подлинным и настоящим может быть только подлинный и настоящий, то есть оригинальный Шекспир, а всякий перевод в той или иной мере всегда трансформирует, другими словами, искажает подлинник. В переводоведении появились специальные названия, определяющие степень близости или, напротив, отдаленности переводной версии по отношению к оригиналу: адекватный перевод, вольный перевод, перевод-подражание, перевод-стилизация и др. Указанная трансформация неизбежна, потому что каждая национальная традиция самобытна. Она не может просто копировать явление зарубежной культуры. Она непременно должна творчески и исторически переосмыслить и пересоздать его в соответствии с художественными законами своего культурного сознания, своей языковой системы, своей литературы. И чем больше появляется у нас переводов шекспировских сонетов, тем яснее становится, как жизненно необходима нам поэзия Шекспира в нашем художественном

становлении, тем более «нашей» она становится. Этот процесс неостановим. Поэтому «русский» Шекспир становится все более многоликим.

Думается, что в деле его художественного созидания достаточно заметен вклад Ю. И. Лифшица. Переводчик не приобрел еще громкой известности, но имеет свои безусловные и немалые авторские достижения. Весьма разнообразна жанровая палитра его оригинальных произведений: стихи, поэмы и циклы поэм, литературные транскрипции, роман. В предисловии к сборнику поэм Лифшица, изданному в 2001 г., о нем очень тепло отозвался В. Маканин, отметивший незаурядное мастерство поэта, независимость его авторского голоса, выразительную точность в работе со словом. Однако наибольшее признание получили литературные переводы Лифшица. Он переводил А. Милна, Л. Кэрролла, А. Рембо, Ш. Бодлера, Ю. Ли-Гамильтона, но главным образом его переводческое внимание было сосредоточено на Шекспире. Об этих переводах писали на страницах центральных газет, Лифшиц выступал на научной конференции в Москве. Список переведенных им шекспировских пьес внушительен: трагедии – «Ромео и Джульетта», «Гамлет» (Челябинский ТЮЗ ставил в 1991 г. трагедию именно в этом переводе), «Макбет», «Король Лир»; комедии – «Как вам понравится», «Много шума из ничего», «Двенадцатая ночь» (поставлена Омским ТЮЗом в 2012 г.), «мрачную» комедию «Венецианский купец». В начале 2005 года Лиф-

щиц завершил переводческую работу над циклом шекспировских сонетов.

Необходимо признать, что Лифшиц как поэт показал в своих переводах достаточно высокую переводческую культуру: несмотря на отказ от принципов буквального перевода, ему удалось передать и основной смысл, и главные особенности стиховой организации оригинальных стихов: строфический рисунок английской разновидности сонета, 5-стопный ямб, перекрестную рифмовку. Удивительно, как легко достигает Лифшиц необходимой краткости поэтической строки – эта краткость с трудом давалась многим переводчикам знаменитых сонетов на русский язык, в котором нет такого, как в английском, обилия коротких, односложных слов. При этом переводчику удается не потерять естественности и красоты звучания русского текста. Благодаря самобытному и яркому поэтическому таланту переводчика, Шекспир предстает у него свободным от обесцвечивающего и обесценивающего академизма и вновь подтверждает свою удивительную способность становиться «фактом русской поэзии».

Надо признать и другое: Лифшиц явно модернизирует поэтический язык и стиль Шекспира. Это делали многие его предшественники, ставшие настоящими вершителями судеб отечественного поэтического перевода. Степень этой модернизации была различной, но смысл ее, как правило, состоял в подчинении Шекспира законам исторической периодизации русской литературы. Переводчики открыли, что рус-

ский читатель воспримет Шекспира великим поэтом, если тот «заговорит» на языке стихотворцев, принадлежащих времени, прославленному в истории именно русской словесности. Так, в переложении самого известного переводчика сонетов – Маршака – Шекспир, исторически ненамного опередивший Симеона Полоцкого, зазвучал в соответствии с поэтикой золотого века – поэтикой Жуковского и раннего Пушкина. Эта переводческая манера приобрела силу надолго утвердившейся традиции романтизации шекспировских сонетов. Некоторые современные переводчики до сих пор находятся под ее чрезмерным влиянием, не замечая, например, того, что объектом нежной любви лирического героя сонетов далеко не всегда является дама.

Лифшиц модернизирует Шекспира куда более решительно, обращаясь к выразительной экспрессии современной разговорной речи, исключая «высокость» поэтического стиля. Удивительно, но именно в этой стилевой стихии он находит красноречивые художественные средства воссоздания характерной «барочности» шекспировских образов и по-своему воссоздает исторический колорит шекспировской поэзии. Сопоставим некоторые его переводы с переводами Маршака.

Сонет 3

Маршак:

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?

Лифшиц:

Но где та плоть, которой суждено
Не под твоим пластаться лемехом?

Сонет 42

Маршак:

И если мне терять необходимо —
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.

Лифшиц:

Я не тобою – в барышах она;
Меня с ней нету – друг мой на коне:
Те, чей союз я оплатил сполна,
Меня распяли из любви ко мне.

Сонет 55

Маршак:

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

Лифшиц:

В сонетах и зрачках любимых глаз
Живи, пока не грянул трубный глас.

Сонет 111

Маршак:

Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне скрыть мое проклятье!

Лифшиц:

Я весь своим заляпан ремеслом,
Как будто краской руки маляра,
И честь моя помечена клеймом...
Утешь меня – воскреснуть мне пора!

Сонет 124

Маршак:

О, будь моя любовь – дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, —
Судьба могла бы место ей назначить
В своем венке иль в куче сорных трав.

Лифшиц:

Будь отпрыском судьбы любовь моя,
Ублюдком высших сфер, его бы мог
Наш Век, добра ли, злобы не тая,
И выполоть, и превратить в цветок.

Работа Лифшица отражает и другую современную тенденцию: убеждение в том, что жанровая структура цикла шекспировских сонетов может быть открытой, гибкой, способной к трансформациям. Так, известный поэт, филолог, философ и переводчик В. Микушевич, комментируя своеобразие шекспировских сонетов и собственные их переводы, заявляет о том, что у Шекспира происходит очевидная «трансмутация сонета», поскольку они «сочетаются в едином произведении, и это произведение не что иное, как роман в стихах» (См.: Микушевич В. Роман Шекспира // Шекспир У. Сонеты. Пер. с англ. В. Микушевича. – М.: Водолей Publishers, 2004. – С. 5—47). Другой именитый переводчик сонетов С. Степанов, вдохновившись книгой И. Гилилова, обреченной на шумный успех, какой всегда имели все

антишекспировские биографии, воспринимает цикл сонетов как отражение реального «романа», завязавшегося между исторически конкретными лицами, ставшими литературными прототипами сонетов (См. Степанов С. Шекспировы сонеты, или Игра в Игре. – СПб: Амфора, 2003).

Своеобразие позиции Лифшица – переводчика сонетов – вытекает из опыта Лифшица – переводчика драматических произведений Шекспира – и состоит в том, что он воспринимает шекспировский лирический цикл «полноценной пьесой». Традиционно в композиции шекспировского цикла сонетов видели монологическую основу, поскольку выделяли в нем одного лирического героя, называемого то Шекспиром, то Поэтом, то просто Главным Героем цикла. Именно он обращался в сонетах к своему красивому Другу, к Поэту-сопернику, к Смуглой леди. В переводах Лифшица зазвучала динамическая экспрессия диалога, в который вступают герои (не герой, а именно героини!) цикла.

Это ощущение сначала реализовалось у Лифшица даже не в переводах, а в его уникальных имитативных переводческих вариациях, выполненных на основе первых 42 сонетов Шекспира. В этих версиях переводчик намеренно отказался от стихотворной формы сонета, выстраивая свои поэтические фантазии в разностопном нерифмованном ямбе – по типу монологов из шекспировских пьес. В привычном – лирически-монологичном – восприятии цикла первые 17 сонетов представляли как мудрые – в духе Платона или Эразма

Роттердамского – наставления Поэта Другу, который, обязательно должен жениться, чтобы повторить в сыне свои красоты. В переводах-имитациях Лифшица отчетливо зазвучал голос совсем другого героя – страстно влюбленной женщины, не желающей мириться с тем, что ее упорно отвергает этот самовлюбленный красавец.

Позднее Лифшиц выполнил – и выполнил поэтически ярко, на высоком уровне переводческой культуры – перевод всего цикла сонетов. И хотя теперь переводчик полностью выдержал строгую поэтическую форму сонета, он и здесь не отказался от принципа драматической организации. Настойчивая героиня, найденная им в имитативных переводах-монологах, оказалась вполне реальной и в сонетах, также приобретших художественные очертания драматических монологов. В подобной композиции голос главного героя цикла, переставшего быть единственным, приобрел новую выразительность. Так постепенно складывается в сонетах Лифшица особая творческая энергетика – энергетика переводческой игры художественными смыслами шекспировского цикла, игры, делающей старинные сонеты «текстом без берегов»,

Елена Первушина.

Первушина Елена Александровна. Род. в 1944 г. Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного государственного университета. В списке публикаций – 92 работы.

В настоящее время работает над докторской диссертацией по проблемам сравнительного литературоведения.

Сонеты

Сонет 1

Пусть только наилучшее растёт!
И не погибнет роза красоты,
когда цветы умрут, но в свой черёд
их обессмертят юные цветы.
А ты, влюблённый в собственную стать,
горишь самоубийственным огнём,
в пиру предпочитаешь голодать,
чтоб жертвой стать себе и палачом.
В тебе – весь мир, ты – юности венец,
весны герольд, но свой богатый клад
в себе ты прячешь, милый мой скупец,
и в то же время тратишь невпопад.
 Не ешь того, что всем принадлежит,
 не то тебя убьёт твой аппетит.

Сонет 2

Когда твой облик зимы окружат,
изрезав поле красоты твоей,
и дней твоих весенних маскарад
окажется тряпьем в глазах людей, —
как слухи о своей пустой казне
ты пресечёшь? Бравадою о том,
что красота покоится на дне
твоих очей, изъеденных стыдом?
Будь у тебя наследник, ты бы мог
гордиться, что отца заменит сын,
что он твои счета закроет в срок
и не предаст вовек твоих седин.

Тебя, когда ты станешь стариком,
согреет кровь в наследнике твоём.

Сонет 3

Не в зеркале, а в жизни двойника
под стать себе создай, иначе ты
ограбишь этот мир исподтишка,
убьёшь святые женские мечты.
Но где та плоть, которой суждено
не под твоим пластаться лемехом?
Где тот глупец, кто дивное зерно
хоронит в себялюбии своём?
Как в зеркале, в тебе находит мать
своей весны апрельский первоцвет.
И ты, старея, мог бы увидеть
в таком окне свой золотой рассвет.
Намереваясь согнуть без следа,
ты образ свой погубишь навсегда.

Сонет 4

Напрасно, расточитель молодой,
ты не жалеешь своего добра.
Природа нас не дарит красотой, —
даёт займы, со щедрыми щедра.
Ты, милый скопидом, прибрал к рукам
то, что обязан был вручить другим.
Ты, бедный ростовщик, не сможешь сам
всю прибыль получить по закладным.
Тот самого себя и проведёт,
кто самому себе даёт кредит.
Тебе Природа свой предъявит счёт
и неустойку выплатить велит.
Кто красоту не пустит в оборот,
тот смерть в душеприказчики возьмёт.

Сонет 5

С каким искусством Время создаёт
картины, услаждающие взор,
и, словно деспотичный сумасброд,
выносит совершенству приговор.
Спокойный ход недремлющих часов
уводит лето в ледяной полон,
где стынет сок безлиственных стволов,
где пустота и снег, и вечный сон.
И если квинтэссенция цветов
в прозрачную тюрьму не заперта,
то, не оставив никаких следов,
из памяти исчезнет красота.
Зима не в силах навредить цветам,
когда жива их сущность – фимиам.

Сонет 6

Пока не извела твой летний сок
зима своей безжалостной рукой,
сосуд любви спеши наполнить впрок
бессмертною своею красотой.
Поскольку под процент из ссудных касс
кредиты брать не запретил закон,
и ты счастливей будешь в десять раз,
своим потомством удесятерён.
Оно и после воспроизведёт
тебя десятикратно и стократ.
Что может смерть, когда начнёт отсчёт
твоей посмертной жизни твой закат?
Своё наследство, как ты ни упрям,
ты не посмеешь подарить червям.

Сонет 7

Когда светила благосклонный взгляд
с востока озаряет небосвод,
с почтением во взорах стар и млад
приветствуют божественный восход.
Когда на склон заоблачных высот
взбирается, окрепнув, пилигрим,
не устаёт восторженный народ
следить за пешеходом золотым.
Когда ж, в трудах измучась неземных,
съезжает он в квадриге с вышины,
глаза его приверженцев былых
уже иной картиной пленены.
 Дай сыну жизнь, иначе умертвит
ночная тьма твой солнечный зенит.

Сонет 8

Ты – музыка, но у тебя разлад
с гармонией, – с самим собой война.
А ты болезни музыкальной рад;
страдая, наслаждаешься сполна.
Мелодии согласная семья
тебя бранит за то, что свой куплет
поёшь один, что ария твоя
расстраивает будущий дуэт.
Как сладко струнам звуки выпевать,
в аккорд счастливый их объединив,
как будто юный сын, отец и мать
поют любви и радости мотив.
Все струны, как одна, поют без слов:
«Кто одинок, тот к жизни не готов!».

Сонет 9

Глаза вдовы тебе как острый нож,
поэтому ты стал холостяком,
но если ты в бездетности умрёшь,
заплачет вся Вселенная о том, —
вдовой запричитает, если вдруг
ты не оставишь копии своей,
хотя дарован вылитый супруг
любой вдове в наружности детей.
Не оскудеет разорённый клад,
переходя в чужие кошельки,
а тот из нас, кто красотой богат,
её убьёт, пустив на пустяки.

Других ты не полюбишь никогда,
самим собой истерзан без стыда.

Сонет 10

Не стыдно ли тебе за свой отказ
избыть любовью суету сует?
Хотя в тебя влюблялись много раз,
любви ответной не было и нет.
Себя ты лютой злобой истерзал
и с помощью губительных интриг
свой замок разрушаешь, как вандал,
который жить осёдло не привык.
Одумайся – угомонюсь и я!
Не смерти, а любви врата открой,
и внешности под стать душа твоя
осветится добром и красотой.
 Себя другого ею награди,
 и ждёт тебя бессмертье впереди.

Сонет 11

Расцвет твой бурный в отпрысках твоих
пойдёт скорей, чем бурный твой распад,
И кровь, что будет в жилах молодых,
юнцы с лихвою старцу возвратят.
Но мудрость, красоту, избыток сил
теснят безумье, старость и разлад,
и если б нас твой опыт убедил,
весь мир исчез бы лет за шестьдесят.
Пусть нанесёт бесплодием урон
Природа грубым тварям и глупцам,
и ты щедрее прочих одарён
и щедрый дар прибавь к её дарам.
Ты как печать и вырезан Творцом
служить для отпечатков образцом.

Сонет 12

Когда пробьют часы и чёрной мглой
затмится яркий день; когда цветок
утратит лепестки и сединой
засеребрится тёмный завиток;
когда завянет лиственный покров,
спасавший стадо летнею порой,
и на телегах бороды снопов
жнецы обяжут траурной каймой, —
я вспомню вдруг, что красота твоя
в числе таких же временных красот
отправится во тьму небытия,
а то, что народится, расцветёт.

Хотя срезает Время всех подряд,
его твои потомки укротят.

Сонет 13

О, будь собою! Быть собой самим
тебе совсем недолго предстоит.
И если твой уход неотвратим,
в ком-либо сохрани свой внешний вид.
Ты – арендатор красоты своей,
но если бы продлил аренды срок,
то, воплотясь в черты своих детей,
себя б от верной смерти уберёг.
Какой хозяин свой надёжный кров
пожертвует в преддверии зимы
свирепости жестоких холодов
и вечной стуже ледяной тюрьмы?
Ты знал отца... И фразы этой суть
пусть сын узнает твой когда-нибудь.

Сонет 14

Хоть в звёздах я знаток, но никогда
не изреку, взглянув на гороскоп,
кого удача ждёт, кого беда,
и что грядёт – чума или потоп.
Не предскажу по ливням и ветрам
счастливых или горестных минут
и не дерзну гадать по небесам,
кого на трон из принцев возведут.
Но вечность вижу я в твоих глазах:
в них Правды свет и светоч Красоты.
Им ни за что не обратиться в прах,
когда в себе ином родишься ты.

Не то, предвижу, в твой закатный час
и Правда с Красотой покинут нас.

Сонет 15

Когда я вижу, что в расцвете лет
в нас вызревает гибельный изъян
и длится под влиянием планет
на сцене мира этот балаган;
что мы произрастаем, словно сад,
под тем же небом, в стуже и тепле,
и вот наш юный пыл идёт на спад,
и, гордых, нас не помнят на земле, —
то, наблюдая жизни круговерть,
я на прекрасный облик твой смотрю,
где спорят Время и слепая Смерть —
кому из них затмить твою зарю.

Но, объявляя Времени войну,
сонет мой возвратит тебе весну.

Сонет 16

Как ни жестоко Время, отчего
ты не воюешь с этим палачом?
Есть помощней защита от него,
чем я с моим беспомощным стихом.
Ты полон сил, проделав полпути,
и счёта нет невинным цветникам,
мечтающим твой облик во плоти
пересоздать назло карандашам.
Ты должен жить – но в образе живом!
Твоей души и внешности твоей
не оживить ни кистью, ни пером
в глазах и душах будущих людей.
Отдав себя, живи в себе самом,
своим одушевлённый мастерством.

Сонет 17

Поверят ли потомки моему
сонету о достоинствах твоих,
хотя пришлось могилой стать ему
твоих не худших качеств остальных?

И если славословить буду я
приметы совершенства твоего,
то скажут, что не мог я без вранья,
обожествив земное существо.

И полустёртый томик оттолкнут,
как старика, что глуп, но говорлив;
пустым сочтут мой вдохновенный труд,
как древний, но смешной речитатив.

Но ты вдвойне достоин жить в веках:
в своих потомках и в моих стихах.

Сонет 18

На летний день не слишком ты похож:
в тебе и света больше, и добра.
От ветра дерева бросает в дрожь,
и скоротечна летняя пора.
То запыляет жарко небосвод,
то потускнеет золотой зрачок,
а то на убыль красота пойдёт
естественным путём или не в срок.
А над тобой не вянет благодать
весны и полновластной красоты.
Тебе под сенью Смерти не блуждать —
в строфе бессмертной возродишься ты.
Она жива – и ты среди живых,
пока не гаснет свет в глазах людских.

Сонет 19

У тигра, злое Время, рви клыки,
вели Земле пожрать своих детей,
у леопарда когти отсеки
и пепел Феникс по ветру развей.
Когда угодно, что на ум придёт,
то и твори с Землёю и людьми;
на одного лишь, Время-сороход,
своих преступных рук не подними:
Не вздумай по возлюбленным чертам
водить своим чудовищным стилем;
пускай они грядущим племенам
послужат в совершенстве молодом.

Но, навредишь ему ты или нет,
его спасти сумеет мой сонет.

Сонет 20

И женская душа, и женский лик
тебе даны Природой, но не впрок:
ты женского лукавства не постиг,
бог и богиня страстных этих строк.
Нелживым выражением лица
ты озаряешь всех, как властелин,
чтобы восхитить женские сердца
и восхитить внимание мужчин.
Ты женщиною значился сперва,
потом Природа, ощущая страсть,
тебе, чтоб захватить мои права,
прибавила существенную часть.

Для женщин создан ты, но тем сильнее
люби меня, а жёнами владей.

Сонет 21

Не шепчет Муза мне роскошных фраз,
не сравнивает крашенных матрон
ни с тем, что на земле ласкает глаз,
ни с тем, что украшает небосклон;
ни с солнцем, ни с луною, ни с казной
на дне морском, в пещерах под землёй;
ни с тем, чего не видел шар земной,
охваченный воздушною каймой.

Люблю я честно – честно и пишу,
что звёзды приукрасить не смогли
моей любви, подобной малышу,
прекрасному, как жители Земли.

Я не желаю, как торговый люд,
хвалить товар – любовь не продают.

Сонет 22

Я не старею зеркалу назло,
пока ты молодой, но если дни
распашут, как сохой, твоё чело,
то и со мной расправятся они.
Моя душа твоею красотой,
окутавшей тебя, защищена.
Твоя душа со мной, моя – с тобой,
и нашим дням теперь одна цена.
Не для себя ты должен дать зарок
себя хранить, как я, а для того,
чтоб сердцем сердце я твоё берёг, —
как нянюшка – питомца своего.

Ты отдал сердце мне, но если грудь
моя замрёт – навек о нём забудь.

Сонет 23

Как лицедей, утративший кураж,
стоит на сцене, рот полуоткрыв;
как самодур, входящий в гневный раж,
слабеет, пережив бессилья взрыв, —
так я порой, забыв любовный слог,
испытываю подлинный конфуз,
раздавлен тем, что на меня налёг
любви моей невыносимый груз.
Но ярче всяких слов мой пылкий взор!
Пророк души кричащей, он привык
вести любви безмолвный разговор
и умолять нежнее, чем язык.
Любовь тогда поистине умна,
когда глазами слушает она.

Сонет 24

Изобразил глазами твой портрет
я на картоне сердца моего;
рисунок в тело вставлен, как в багет,
но перспектива здесь важней всего.
На вещи сквозь художника гляди
и выставки чудесный вернисаж
увидишь в мастерской моей груди,
где искрится очей твоих витраж.
Мои глаза с твоими заодно:
мои рисуют, а в твои порой
заглядывает солнце, как в окно
души моей, влюбившись в образ твой.
Глаза отображают внешний вид,
а к сердцу твоему им путь закрыт.

Сонет 25

Кому созвездия благоволят,
тот славу заслужил ещё с пелён,
а у меня с фортуною разлад:
я неприметной честью наделён.
На золотой подсолнечник похож
сиятельной особы фаворит,
но может и погибнуть ни за грош,
когда вельможа хмуро поглядит.
Всего один проигрывает бой
бывалый воин, доблестный солдат,
и те, кого когда-то спас герой,
его из хроник вычеркнуть велят.

А мне навек дана любовь одна:
я верен ей, и мне она верна.

Сонет 26

Любви моей светлейший сюзерен,
не ради красных слов твой сателлит,
к достоинствам твоим попавший в плен,
тебя почтить посланием спешит.
Хотя изящной речи не припас
немудрый твой должник в письме своём,
но ты сумеешь мой нагой рассказ
вообразить изысканным послом.
А если путеводная звезда
меня своим сияньем осенит,
то ты оценишь раз и навсегда
моей любви преображённый вид, —
И я тебе откроюсь... А пока
приходится любить издалека.

Сонет 27

Валюсь я с ног, усталый пешеход,
но только доберусь до топчана,
от мыслей кругом голова идёт,
и дремлющему телу не до сна.
Я всей душою, словно пилигрим,
к тебе стремлюсь разлуке вопреки
и в темноту, доступную слепым,
вперяю беспокойные зрачки, —
чтобы незримый образ твой – точь-в-точь
алмаз лучистый – предо мной возник
и вспыхнула безрадостная ночь,
и нежным стал её угрюмый лик.

 Ни днём, ни ночью нет покоя мне:
 с утра – в дороге, вечером – во сне.

Сонет 28

Лишённый права наслаждаться сном,
могу ли жить, не ведая забот,
чьё бремя, тяжелея день за днём,
из ночи в ночь усиливает гнёт?

Раздоры прекратив между собой,
меня взялись тиранить день и ночь
дневным трудом и горестью ночной
за то, что от тебя уехал прочь.

Я льстиво дню твердил, что облака
ты бы своим сияньем растопил;
а смуглой ночи, – что наверняка
ты бы затмил рои ночных светил.

Но всё сильней тоска день ото дня,
из ночи в ночь грызущая меня.

Сонет 29

Когда, фортуной проклят и убит,
я к небу шлю свой бесполезный плач,
скорблю от унижений и обид,
браню себя и время неудач, —
как я хотел бы, чтобы испокон
я был красив, талантлив и богат,
и счастлив, и друзьями наделён,
и много худшей доле был бы рад.
Но чувствую за эти мысли стыд
я, о тебе припомнив, и душа,
расправив крылья, птицею парит,
к небесному преддверию спеша.

Любой король тогда меня бедней,
когда я вспомню о любви твоей.

Сонет 30

Когда я память вызываю в суд
бесстрастных размышлений, то на зов
чередой мои утраты предстают,
и вновь я их оплакивать готов.
Рыдать отвыкший, плачу я навзрыд
о тех моих любимых и друзьях,
кто ночью бесконечную укрыт,
и чьи глаза померкнули впотьмах.
И горько мне, и с горем пополам
я скорбный подвожу скорбям итог
и заново плачу по всем счетам,
хотя по ним расплачивался в срок.

Но если твой я вспоминаю взгляд,
то нет потерь, и всё идёт на лад.

Сонет 31

Ты предоставил грудь свою сердцам,
что я давно умершими считал.
Уютно и любимым, и друзьям
там, где любовь и дружба правят бал.
Любовь исторгла из моих очей
потоки влаги – подать мертвецам,
которые, покинув мир теней,
в тебя переселились, словно в храм.
Но траур по возлюбленным моим
не означает, что любовь мертва;
и оттого, что им необходим,
ты на меня присвоил все права.
 Любимые мои – в тебе одном,
 и я один им нужен целиком.

Сонет 32

О, если жив ты будешь и здоров,
когда мой прах смешается с землёй,
и вдруг отыщешь том плохих стихов,
что сочинил поэт любимый твой, —
не примеряй их к новым временам:
хоть перья есть бойчее моего
и уступлю я модным рифмачам, —
любовь тебе нужней, чем мастерство.
И ты, подумав обо мне, вздохни:
«Когда б он жил с эпохой не вразлад,
он рифмовал бы лучше, чем они,
возглавив сочинителей отряд.

Но если Муза друга умерла —
его любовь превыше ремесла».

Сонет 33

Подняв своё державное чело,
лобзало солнце изумрудный лес,
потоки позолотою зажгло
благодаря алхимии небес;
но если ковыляла перед ним
ничтожных туч косматая гряда,
оно, закрывшись облаком густым,
сгорало на закате от стыда.

Так и моё светило – лишь на миг
свой триумфальный блеск явило мне
и тут же скрыло свой небесный лик
за тучами, в заоблачной стране.

Моя любовь стыдиться не должна:
и солнце в небесах не без пятна.

Сонет 34

Зачем, пророча солнечный денёк,
ты дал мне выйти без дождевика,
чтобы гнилой туман меня облёк,
а светлый лик твой скрыли облака?
Хотя, исхлёстан бурей дождевой,
обрёл в тебе я нежного врача,
кому бальзам понравится такой,
что лечит боль, позора не леча?
Твой стыд не исцелит моих скорбей,
раскаянье – не возвратит утрат;
Обидчика прощать всего больней
тому, кто на кресте обид распят.

Но жемчугами слёз твоих сполна
твоей любви искуплена вина.

Сонет 35

Ты ни при чём. Не плачь. Прозрачный пруд
зарос травой. Цветы не без шипов.

В бутонах черви мерзкие живут.

Не видно солнца из-за облаков.

Безгрешных нет, и я не без греха:

себя порочу, грех врачуя твой,

прощая больше с помощью стиха

тебе грехов, чем сделано тобой.

Чтоб оправдать порочный твой порыв,

противнику служа как адвокат,

сужусь с собой. Войну мне объявив,

во мне любовь и ненависть бурлят.

Мой милый вор, ограблен я тобой,

но сам и покрываю твой разбой.

Сонет 36

Хотя в любви мы соединены,
но всё-таки нас двое во плоти,
а значит, тяжкий груз моей вины
я в одиночку должен пронести.
Хотя любовь сближает нас с тобой,
но знаешь, сколько сладостных минут,
не извратив любви своей хулой,
у нас позор и злоба украдут.
Чтобы тебя не запятнал мой грех,
я на людях тебя не узнаю,
и ты со мной не встретишься при всех,
жалея репутацию свою.

Не делай так. Настолько мы близки,
что мне и честь твоя не пустяки.

Сонет 37

Как иногда отец полуседой
на сыновей с улыбкою глядит,
так счастлив я, изломанный судьбой,
что честью ты и правдой знаменит.
Но знатность, красоту, избыток сил —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.